

ПАНОРАМА

• Большим событием для любителей литературы нашего края стало знакомство с поэтом Владимиром Григорьевичем Калиниченко, творческие встречи с известным поэтом, приехавшим к нам из Украины, города Енакиево, прошли в Краснодаре и Анапе. Владимир Григорьевич – автор более двадцати книг поэзии и прозы, журналист, фотохудожник. Каждое его выступление, а творческие встречи состоялись на факультете журналистики КГУ, в детском научном центре «Малая академия» Краснодара, в Доме учёных и инженеров краевого центра, в центральной библиотеке города Анапы и библиотеке им. Н. А. Некрасова (Краснодар), собирало большие аудитории. Каждое выступление сопровождалось долгими аплодисментами и благодарностью зрителей, среди них были и школьники, и студенты, и литераторы, члены литературных объединений «Парус» (Анапа) и «Верность» (Краснодар), представители общественности.

• 27 мая 2013 года в рамках празднования общероссийского Дня библиотек в муниципальном бюджетном учреждении культуры «Межпоселенческая центральная районная библиотека» муниципального образования Гулькевичский район прошла теплая творческая встреча «Друг другу есть нам что сказать» жителей Гулькевичского района с кубанскими писателями: Светланой Николаевной Макаровой, председателем Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, Людмилой Дмитриевной Бирюк, Виктором Алексеевичем Деревянко. В ходе встречи все присутствующие узнали об истории кубанской писательской организации, об особенностях современного литературного процесса на Кубани, познакомились с творчеством кубанских авторов, с новыми именами в кубанской литературе. Гости рассказали о своём творчестве, успехах, планах,

представили свои новые книги и юбилейный сборник самых титулованных литераторов Краснодарского края «Звезды над Кубанью», а также передали в дар сектору краеведения главной библиотеки района свои книги с автографами.

На творческой встрече присутствовали читатели библиотек района, педагоги кубановедения и литературы, библиотекари школьных и общедоступных библиотек г. Гулькевичи.

• 17 мая в Тбилисском районе в селе Ванновка, где прошли детские годы известного кубанского прозаика Геннадия Пошагаева (во время войны он воспитывался в детском доме), состоялся круглый стол в МБОУ «СОШ № 4» с участием писателя «Пишу о том, что дорого и близко» и творческая встреча писателя со школьниками. Затем Геннадий Пошагаев стал участником Литературной гостиной «Здесь мои истоки», где отвечал на вопросы старшеклассников коррекционной школы. Вечер воспоминаний «Встреча школьных друзей» собрал жителей села Ванновка, одноклассников Геннадия Григорьевича, почитателей его таланта.

• В ночь музеев в галерее «Сантал» прошли выступления кубанских поэтов, членов СП России и краевого ЛИТО «Верность». В Литературном музее Кубани состоялась презентация книги А. Г. Ильяхова «Игры эллинов у подно-

жия Олимпа», в ней приняли участие студенты Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма

• 29 мая в Литературном музее Кубани им. Якова Кухаренко прошла встреча главного редактора газеты «Кубанский писатель» С. Н. Макаровой со студентами Гуманитарного колледжа Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, посвящённая юбилею кубанской прессы. Ребята узнали, как создавалась газета, как идёт работа над очередными номерами издания. С. Н. Макарова ответила на многочисленные вопросы.

• Большой литературный праздник прошёл в галерее «Сантал» в день рождения Александра Сергеевича Пушкина. Кубанские литераторы, помня пушкинские строчки «И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит...», читали стихи, посвящённые «Солнцу русской поэзии», звучали гражданские и лирические произведения, продолжающие гуманные традиции русской классической литературы. В празднике приняли участие члены Союза писателей России С. А. Медведева, М. М. Самаркина (Хабаровск), Л. К. Мирошникова, Л. Д. Бирюк, В. А. Архипов, Н. Н. Седов, поэт и главный редактор газеты «Человек труда», члены ЛИТО «Верность», а также студенты Кубанского политехнического университета.

ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ

Одним Пушкинским праздником в России стало меньше. На родине его бабушки, Марии Алексеевны, в селе Коренёвщине Липецкой области, в первое воскресенье июня было непривычно пусто...

20 лет назад здесь провели первый областной праздник – и казалось, это теперь навсегда. Да, к тому времени там уже прижился школьный Пушкинский день, который отмечали 26 мая: это дата рождения великого нашего поэта по старому стилю. Но он проходил тихо, на территории местной школы, которую возглавляет необыкновенная женщина Нина Бородина. Это именно она превратила ничем не примечательную сельскую школу в пушкинский заповедник. Конечно, это не Святогорье, которое поэт очень любил и где нашёл своё последнее пристанище. Но это отчая земля, это прародина поэта, подспудно формировавшая – через «бабушку» – и его самого, и его язык, и его особое пристрастие к истории своих предков, «к отческим гробам», «к родному пепелищу»...

Из этого пепелища не так давно Коренёвщину возрождали. Благоустроили улицы села, почистили пушкинский пруд, пронесший свое название сквозь триста лет, «одел» в дерево церковный колодец у старого кладбища, недалеко от которого стояла усадьба Пушкиных, где родилась Мария Алексеевна Пушкина, бабушка поэта, и где в малолетстве топала ножками его будущая мама, Надежда Ганнибал...

Изменила свой облик и коренёвщинская школа: тогдашний генеральный директор мощнейшего и по сию пору Новолипецкого металлургического комбината (может быть, в память об инспекторской поездке Осипа

Эмма МЕНЬШИКОВА ОПТИМИЗАЦИЯ ПУШКИНА

Ганнибала на Липские железоделательные заводы, когда он и обрел свою судьбу в лице Марии Пушкиной?) Иван Франценков отпустил деньги на ремонт здания и увековечение памяти Пушкина в школьных стенах.

Уже давно нет на этом свете Франценко-ка, а нынешний олигарх, один из богатейших людей России, ставший владельцем «народного» завода, о Пушкине и не помышляет.

Ученики же и преподаватели трогательно берегут обустроенный в те годы пушкинский класс-музей и памятник Пушкину-лицеисту, установленный тогда же в холле школы. Но самое главное – Пушкиным, его Словом и духом возродилась и зажила высокой жизнью школа. Там шаг не ступить без того, чтобы не возник Пушкин: в портретах, в образах героев, в рисунках, стихах, даже кажется, что слышен его голос...

И каждый год к дню рождения поэта играется новая премьера: спектакли ставят и играют дети, не без помощи взрослых, конечно. Начиная со сказок – о золотой рыбке, золотом петушке, о попе и работнике его Балде...

В последние годы это уже «Метель», «Каменный гость», «Цыганы». В этом году одолели «Пиковую даму». Костюмы, музыка, техническое оформление – всё высший класс. А сколько чувства, сколько страсти! Когда Лиза просила прощения у Бога за своё невольное содействие преступлению Германа, многие прослезились.

Ещё когда праздник проводился на поляне, приезжали высокие – читай: из Москвы – гости. Помню Станислава Золотцева, Татьяну Смертину. А не так давно побывали в Коренёвщине и человек сто писателей, сделавших честь Липецку проведением в нём Дней российской литературы. Ну а потом все праздники обходились своими писательскими силами. Как бы то ни было, люди приезжали из других районов и даже областей.

И вот всему этому пушкинскому здесь, в Коренёвщине, приходит конец. Очень символично его приближение ознаменовала постановка ребятами именно «Пиковой дамы».

С какой же лёгкостью наши чиновники и власти предержащие сметают то, что кропотливо и ответственно возводили жившие до них поколения, люди, стремящиеся сберечь или вернуть потомкам высшие достижения нашей русской культуры. Принято решение в этом году праздник в Коренёвщине не проводить. Сообщили в район об этом буквально накануне выходных. Без объяснений, втихаря, приняли решение – и всё тут. А Пушкинский день прошёл в городе, в областном драматическом театре: цивилизовано и без лишних хлопот.

И скучно, и грустно, но и это ещё не самое худшее. Отмена праздника сама по себе не трагедия. Люди всё равно будут сюда приезжать – и Нина Ивановна, весь коллектив школы намерены их принимать, проводить экскурсии, читать стихи и играть

спектакли. И 2, и 6 июня, и в любой другой день, когда здесь окажется гость к Пушкину.

Так было, к примеру, в 2004 году, случаем приведшему сюда председателя Союза художников России Валентина Сидорова. Посетив Коренёвщину, он был так потрясён той большой любовью и работой во славу Пушкина, которую увидел, что его стараниями школу наградили золотой Пушкинской медалью. Это единственная сельская школа в стране, обладающая такой наградой.

Но это не уберёжёт её от... оптимизации. Да, такой дальний прицел – отмена праздника – говорит о многом. А что Пушкин?! – недоумевают чиновники местного масштаба. Школа невыгодна. Будем возить детей в соседнее село. Музей перенесём (!?). Бюст тоже. Так, может, и Коренёвщину перенесём. Подумаешь, бабушка здесь родилась, мама бегала. Оптимизация же. Но можно ли без ущерба для 70 учеников, в том числе и тех, которые из дальних сёл умудрялись, никому не говоря, ходить пешком на репетиции, для жителей района и области, России, наконец, закрыть эту малокомплектную по всем нормам, но такую удивительную школу? Все вроде бы сходятся в одном: кощунственно оптимизировать Пушкина. Но чиновникам даже Путин им не указ. Он же сказал на совещании по итогам исполнения его прошлогодних майских указов: хочу предостеречь от механистических непродуманных решений. Это в первую очередь касается судьбы сельских малокомплектных школ. Куда там. Видимо, есть люди, которые свои решения продумывают очень хорошо. Оттого и никакие предостережения их не касаются.

ГОЛОСА РОССИИ

Светлана КУРАЧ
(Омск)

ТАЙНА СЛАВЯНКИ

Впитав в себя все веянья времён,
Востока алчность – ига своеволие,
Она хранила свет своих икон,
Свободу и полей своих раздолье.

И запад нынче ищет русских жён,
Особой статью и красой пленяясь.
Предупреждён ли он, вооружён?
Характер сохранился, не меняясь...

То Василисой мудрой, то Ягой
Останется и за семью морями!
Древнейших знаний вековой настой
Хранит в крови, как герб хранят дворяне.

«Глаголь добро», а не сори хулой,
«Аз, буки, ведаи» – знай, ведаи и ведай.
Не возгордись ни лестью, ни хвалой,
Храни очаг и отводи все беды.

Ей всё дано – и ум, и красота.
Недуг страны она, как может, лечит.
Душа славянки – тайна неспроста,
Разлад времён её не искалечит!

Смиренна? – нет! Горда? – с иными – да!
И никакой беде не покорится.
Бьёт в родниках прозрачная вода...
Царица духа!
Разреши напиться!

СЕСТРЕ

Ты знаешь, а даже не тянет
В немецкую волость твою.
Хожу я своими путями,
Хорошие песни пою.

Какие в Сибири просторы,
Какие в Сибири снега!
Как птица, раскинулся город
Крылами по двум берегам.

И что мне до старой Европы,
Бесснежных и слякотных зим?
Российские белые тропы
К ногам притекают моим.

Здоровую бодрость приносит
Мне солнце и русский мороз,
И чистая, яркая просинь
Сквозь белые ветви берёз.

Тебе ж – не хватает простора,
Всё воздуха мало груди.
А лето кончается скоро,
А серые долги дожди...

Душа твоя тянется к храму,
К родным золотым куполам.
Врачуешь душевную рану,
К церковным склоняясь полам.

...Ты ставишь медовые свечи,
И сердце молитву творит.
Спасаясь русскою речью
И силою русских молитв.

КУСТОДИЕВСКАЯ ВЕНЕРА

Вижу тебя кустодиевской дивой,
С русским берёзовым венником в бане.

Длинные волосы лягут красиво
И по плечам растекутся у Тани...

Веник отхлещет румяное тело,
Кровь разгорится, и сгинут хворобы.
И заготовлен настой чистотела
Да золотистый ромашковый, чтобы

Тело – сияло, коса – золотилась!
Вот и взыграло в груди ретивое!
Вижу, сестрица, тебя я такую, –
Русской Венерой, что мастеру снилась!

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Играй мне, дождь, ноктюрн
на подоконнике...
Мне любо слушать музыку твою.
Все спят сейчас – таланты и поклонники,
А я стихом, пожалуй, подпою.

Пускай стучит стаккато непрерывное,
Дождинок стуки – Музы каблучки...
Глядят в окно, родные и призывные,
Расширенные города зрачки.

Играй мне, дождь! Я слушаю
внимательно:
Вот ты по листьям в паузе прошёл...
Скрипач на крыше вымок окончательно,
Но верную мелодию нашёл.

Волной в стекло ударит ветер западный,
Пролив в легато целый водопад!
И только утром – тишина внезапная, –
Как занавес.
Как первый снегопад.

Мама, не плачь.
Всё позади.
Буду теперь жить я долго-долго.
Будут снега,
Будут дожди,
И в Новый год зажигаться ёлка.

Если болит –
Значит, живём.
Значит, мы чувствуем, любим, дышим.
Вместе не раз
Чаю попьём,
Я просыпаюсь для жизни, слышишь?

Мама, не плачь...

«Ночь светла...» – запели тихо дети...
Нежный свет затеплился на лицах.
И мотив задумчив был и светел
И хотелось Богу помолиться.

Ночь светла – звезда горит высоко.
Ночь святая – и звуки тихо льются.
И в ночи торжественно-глубокой
Тихим звоном ангелы смеются.

И сердца тем звоном наполнялись,
И, слезой вскипая на ресницах,
Наши чувства миру открывались,
Улыбались и добрели лица.

И хотелось всем сказать «простите»,
За окном валили хлопья густо.
Ночь светла – на землю шёл Спаситель
И дарил волшебный свет искусства.

ДОЧЕРИ

Мне нравится, что ты немного дерзкая.
Мне нравится, что ты немного с юмором.
И пластика твоя, такая детская,
И грация твоя, такая юная.

Я всё тебе отдам, тростинка-веточка!
Глазищи на меня глядят пытливые...
О многом расскажу, кровинка-деточка,
О многом помолчим, моя стыдливая.

Ты многое поймёшь, такая умная.
Я буду охранять, покуда в силе я.
Но будет ночь одна, такая лунная,
Ты будешь без меня, моя красивая.

И буду я молить все силы светлые,
Чтоб он берёг тебя, свою желанную,
Чтобы слова сказал тебе заветные,
Чтобы любил всю жизнь,
а это – главное.

Светлана
СУПРУНОВА

(Калининград)

ПОМИНКИ

Осенний день. Безмолвье околотка.
Дешёвый гроб трясётся на возу.
В пальтишке куцем сухонькая тётка
Смахнула пальцем пьяную слезу.

Ни всхлипа и ни воя от ухода,
Ну, что ж, пожил, пора и на покой.
Всего-то горстка хмурого народа
Застыла над разверзнутой землёй.

Сюда, сюда сбегаются дороги,
Сошлись сегодня тот и этот свет.
Под белый саван положили в ноги
Бутылку водки, пачку сигарет.

Потом в избе раскладывали ложки,
Звенели чарки, люд повеселел.
И дождь пошёл, и крест торчал в окошке,
Но вот никто в окошко не глядел.

И гармонист уселся посередке,
Запели песню, как шумел камыш.
«А что за праздник нынче в околотке?» –
«Дак много всяких... Разве уследишь?».

В пути – светло, в пути – покой.
Старушка, помолившись Богу,
Меня дрожащею рукой
Перекрестила на дорогу.

Меня возили поезда,
Моталась я куда попало,
Летела, шла, и мне всегда
Дорог российских не хватало.

Так и жила – на стороне,
И песни слушала чужие,
Старушка же писала мне
Про хворь свою и сны плохие,

Что тягостно в доме одной
И нелегко ей без подмоги,
Что носят пенсию домой –
До почты не доходят ноги,

И что не выйти в старый сад,
А уж куда там по сугробам,
Что жизнь и есть тот самый ад.
А есть ли дивный рай за гробом?

ПАМЯТИ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

*Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.*
Михаил Анищенко

Чей взгляд придиричивый заметил,
Что дождь с утра заморосил
И что задул сильнее ветер? –
Ты уходил, ты уходил.

Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождиной стать и стать листом.

Не предъявить претензий миру,
Пусть за тебя он всё решит,
И, в старый шкаф запрятав лиру,
Уйти без всяческих обид.

Земля зовёт, почти не дышит,
На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.

* * *

Мало жизни в сердце, мысли мелки,
И живу как будто по нужде.
Ивовые листья, словно стрелки,
На остывшей замерли воде.

Улеглись под небом как попало,
На людские указав пути.
Где же мой – спустившийся устало? –
Подсказал бы мне, куда идти.

Гляну вверх – немыслимые вёрсты,
Ничего не вижу дальше гнёзд.
На Кремле как будто тоже звёзды,
Только грустно от фальшивых звёзд –

Не мигают вовсе, нету света,
Не ведут ни в стужу, ни в дожди.
Ни с земли, ни с неба нет ответа,
Хоть бы голос чей-то впереди!

Ничего-то, глупая, не знаю
И ничем всерьёз не дорожу.
Справа храм – туда ли я шагаю?
Слева крест – туда ли я гляжу?

Преет сено в скирдах залежалых,
Пуст сегодня высохший загон,
В тихом доме на обоях старых
Светлые квадраты от икон.

Вон сундук, и мебель не по моде,
И в печи холодная зола,
Лебеда по пояс в огороде.
Где хозяйка? Слышу: «Померла».

У реки заросшая могила,
Сколько их, заброшенных, кругом!
Чую, что-то в жизни пропустила,
Проболтавшись в городе большом,

Что-то поважнее кабинета,
Ванны на девятом этаже.
Что тут скажешь, тело-то согрето,
Только вечно холодно душе.

Я повернулась на восход безродно,
Мне показалось, что на полчаса,
И вот уже кириллица не модна,
И с запада слышнее голоса.
Уже с востока тащат разносолы,
Пестры наряды, в золоте персты –
То новые татары и монголы
Идут сюда, под древние кресты.
И спеть бы про туманы-растуманы,
И выпить чарку, и тоску забыть –
Везде базар, и лысые Иваны
Торгуются, боясь продешевить.
Распутная, а может быть, святая,
Какие силы есть в тебе, о Русь,
Коль от тебя, ругаясь и рыдая,
Сто раз уйду и столько же – вернусь!

* * *

Падает снег за окошками низкими,
Плавают яблоки в кадке мочёные.
Были мы дальними, стали мы близкими –
Полосы белые, полосы чёрные.
Слева заброшено, справа не кошено,
И по обочинам ягоды спелые.
Словно тельняшка мне под ноги
брошена –
Полосы чёрные, полосы белые.
Как беспризорные ветры шатаются,
Чувства нездешние, мысли безродные.
Чёрные полосы часто сливаются
В реки широкие, реки холодные.
Боль не уляжется, боль не отвяжется,
Страшно от грая ворон оголтелого,
И не доплыть мне до берега, кажется,
Дальнего-дальнего, белого-белого.

Александр Граков

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И «ТВОРЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ» ЗЕМЛЯКА

**Александр Дмитриевич
ГРАКОВ,
ст. Выселки
Краснодарского края**

Родился в 1949 году. Журналист с 1995 года. Серебряный призер литконкурса «Золотое перо Руси» - 2007. Опубликовано около полутора десятков криминальных романов на Украине, в Москве, Ростове-на-Дону. Последняя книга – сборник стихов «Розы на снегу».

(Фрагмент статьи)

...Наконец, стихи именитого земляка – вне сомнений, это наислабое, совсем уж нежное звено данного сочинительства. Из чтения рассмотренной прозы – и «большой» и «малой» – очевидно, что несмотря на горестную правду вышеизложенного, его создатель действительно обладает некоторыми писательскими способностями и, думается, не пустись Александр Дмитриевич во все известные нам тяжкие, а займись в зрелые лета навёрстыванием упущенного, благим эстетическим самообразованием, целенаправленным постижением основ писательства, со временем он непременно стал бы пусть рядовым, зато более-менее приличным прозаиком, коему при встрече было бы не зазорно подать руку, а вот знакомство со стихопродукцией сочинителя заставляет с категоричностью сделать вывод: «Поэзия тут – по изречению Тургенева – и не ночевала», а сам выселковский литератор на сей счёт обделён даже маломальским дарованием. Пожалуй, главной особенностью граковских стихов является ЭЛЕМЕНТАРНОСТЬ. По содержанию те мнимоглубокомысленны, претенциозно примитивны, в них много линейных намёков, облегчённого подтекста (который, замечу, не имеет собственного культурного кода, строится на ассоциациях произвольного, художественно не опосредованного толка), но здесь отсутствует, как таковой, подтекст – в серьёзном значении слова, не встречаются сильные смысловые сцепления – сопряжения, подключения – отталкивания, произвольно обозначен или искусственно задействован, выморочен второй план, не пульсирует вовсе многозначность, здесь всё и вся лежит на поверхности! Также в стихах Гракова нельзя обозначить ни свежих образов, ни ярких метафор, ни тонкой игры полутонов и оттенков, ни трепетных ассонансов, аллитераций, ни изощрённых и рискованных ритмико-интонационных ходов, в них полным-полно пустого звона, шума, однако не «включён», по словосочетанию А. Передреева, «живой, работающий звук», нет того первостепенно ценного, что именуется – поэтическая музыка. И хотя писания автора версификационно правильны, «технически» отлажены, они тем не менее лишены свободного формально-содержательного лада, не отмечены печатью подлинного художественного мастерства, само письмо стихослагателя не «самостийно», носит отчётливо заёмный характер, правда, Гракова не надо считать чьим-то эпигоном, он не копирует слепо какую-то конкретную стилистическую манеру, в его трудах моделируется некий усредненно-расхожий псевдопоэтический стиль, и коли опять-таки у прозы земляка (о чём писалось мною ранее)

крайне неприглядное, попросту дурное, но всё-таки своё, индивидуально-узнаваемое «лицо», то, с позволения сказать, поэзия кубанского литератора напроць обезличена, в ней не узреть – говоря языком Баратынского – «лица не общего выраженья». Раз уж написанное Граковым «в рифму» столь ничтожно, тут вроде бы и вести речь не о чем, но как раз именно потому, что созданное им и опубликованное весьма типично, весьма симптоматично, выражает собой пугающе ширящуюся тенденцию вырождения поэзии, в данном случае желателен обстоятельный, не на хорошей скорости разговор.

Вначале надлежит констатировать, что стихотворство А. Гракова отчётливо двупланово, за некоторыми исключениями подразделяется на произведения гражданского, общественно озвученного толка и лирического, интимного свойства. Стихотворения первой категории значительно преобладают, они сюжетно затянuty, излишне многословны, событийно насыщены и перенасыщены, реальный смысл тут порой изложен в прозрачно иносказательной манере, слегка завуалированно, но по большей части высвечивается открыто, выражается прямо, что называется, «в лоб!» Эти стихи очень декларативны, витиеваты, трескуче громоподобны, кричаще зрелищны, «убойны», сплошь и рядом лишены меры, такта, вкуса и всегда откровенно демагогичны. Содержание некоторых таких творений связано с прошлым, в частности, в одних писаниях затрагивается или поднимается тема Великой Отечественной, в другой речь идёт об иной, «ненужной» войне – афганской, при том первые вещи проштампованы на пошиб прежней «совковой» патриотики, вторые – схалтурены по лекалам поздней «перестроечной» публицистики. В опусе под названием «Я знаю, мне не светит рай» борзописец эффектно расписывает якобы имевший место быть автобиографический факт примерно следующего действия: в своё время шахтёру-трудяге, молодому Гракову, предложили вступить в КПСС, а он – надо же! – не только наотрез отказался от заманчивого предложения, но и резко высмеял, публично уличил во лжи, в двуличии партийного верховода, дескать, тот оторвался от нужд рабочего коллектива, корыстен, нечестиво заимел и дом, цитирую: «Что нажил не своим трудом, И счёт, что аж в Швейцарии заныкал!» Что ж, во времена брежневского «застоя», в первой половине 70-х (а судя по имеющимся сведениям, тогда случилось это знаменательное событие), коммунистический режим уже не являлся столь строгим и дееспособным, как прежде, уже начал постепенно деградировать, посему уместно гипотетически допустить – на донбасском угольном предприятии, где по молодости «вкалывал» пиит, на ту пору впрямь творились тёмные дела, разбазаривалась «социалистическая собственность», прокручивались какие-то финансовые махинации, и в том был задействован упомянутый местный партфункционер; и можно согласиться, поверить – сей властный проходимец на самом деле преступным способом сумел приобрести нехилую жилплощадь, однако, чтобы ему при этом ещё удалось завести личный счёт, по слову стихотворца, «аж» в швейцарском банке, это уже явный сочинительский перебор, тут автор чересчур зарапортовался, подобная роскошь тогда позволялась лишь очень немногим спецгражданам. Вообще стихотворение стоит расценивать как беспардонный хвалёж, как дешёвый пиар, а сам указанный биографический факт кажется довольно сомнительным – задним числом

легко наговорить чего угодно, и, хорошо зная пристрастие литератора к гиперболам, его склонность к фантазиям, несложно догадаться, что данная история им сильно раздута, если и вовсе не выдумана ради красного словца. Продолжая разговор, нужно отметить: в основном своём числе гражданские стихи А. Гракова обращены к текущей действительности, остросовременны, актуальны, кипят «злостью дня» и в таком уклоне грубо тенденциозны, «графичны», исполнены чёрно-белой тональности, в них, с одной стороны, героизируются защитники Отечества, ветераны войн (Великой Отечественной, афганской, чеченской), прославляются и позитивно освещаются люди труда, личности «мужества, чести и веры», идеализируется Россия, с другой, нещадно бичуется всяческая нечисть – бандиты, воры, проститутки, наркоманы, «оборотни в погонах» – «менты», коррумпированные чиновники, депутаты-паразиты, казнокрады-олигархи, писаки, строгающие «злые опусы», «блат – слова» и т.д. – адресат бичеваний довольно широк! Примечательно, что Граков-трибун обличает не только отдельные отрицательные «элементы» общества, но и типические негативные явления, характерные общественные пороки и язвы, в частности, он подвергает критике эстраду, музыкальные радио- и телепрограммы за господство там пошлой «халтуры» («Перебор»), негодует по поводу ставшего у нас чуть ли не нормой бездушного, пренебрежительного отношения к фронтовикам, к старшему поколению («Содружество», «Ветераны»), темпераментно выявляет резкие социальные контрасты, вопиющую классовую несправедливость: охамевшие «новые русские» упиваются шампанским, ужираются икрой, направо-налево швыряются долларами, а простолюдины довольствуются «копейками», бедствуют, едва сводят концы с концами («Если не мы, то кто...»); клеймит эмиграцию, считает покидающих страну предателями, сравнивает их с «крысами», улизывающими с «потрёпанного бурей корабля» («В России, здесь, на стыке двух веков»), гневно витийствует о происходящих злобешах антинародных сил, про то «Как полтораста миллионов «обуты» и ограблены ворьём», («Россия»), вещает о происходящем везде нравственном регрессе – «Понятия любви и доброты/Уходят в исстрадавшейся России» («Розы»), горестно обобщает, сокрушается – «Все пошло, отравно и дико», «Пропита Россия, прожрата, /За долги на торги снесена» («Колыбельная, предвыборная»). В поэтической интерпретации Гракова указанные и им подобные явления, факты, события отнюдь не случайны, а вполне закономерны, прямо обусловлены общественно-политической системой, сложившейся в государстве после краха СССР и существующей доселе, причём ответственность за произошедшее, за происходящее он возлагает на власть предрежущих, иногда его обвинения на их счёт выражаются образно, к примеру, в упоминавшемся стихотворении «Если не мы...» аллегорически изображается глумление властного «верха» народным «низом» – «В рубище, босиком /Медведь наш на лапках пляшет/ Пред ожиревшим Быком», но, как правило, стихотворец изъясняется без экивоков, режет правду-матку в натуре, недвусмысленно обвиняет «верховных правителей России» в гнусных антинациональных деяниях, призывает саму власть «дерьмом», саркастично каламбурит: «Каждый властный экскремент/ Произвёл эксперимент/ Над народом вроде той перестройки» («Жизнь в России

просто кайф»). Разумеется, такие «обличительные» стихи попросту несостоятельны, они не только не имеют поэтического измерения, вопиюще антихудожественны, но и никуда не годны даже в бойцовско-публицистическом «прикиде», ничуть не опасны для режима, для системы, оттого что голословны, пустозвонны, они, выражаясь известным слогом, «обо всём и ни о чём». Впрочем, всё это слишком очевидно и не требует дальнейших разъяснений. Сейчас же резонно обратить внимание на одно, казалось бы, странное обстоятельство: по прочтении рассмотренных нами граковских писаний, созданных в 90-е 2000-е годы, выстраивается безотрадная, сугубо мрачная картина российской действительности последних десятилетий, но там же парадоксальным образом вырисовывается светлая, радужная перспектива, диссонансом общему пессимистическому тону озвучивается идея неизбежности процветающего будущего, так, в стихотворении, стоящем эпиграфом к поэтической книге «Розы на снегу», изданной годом 2006-м (где, кстати, помещены все цитировавшиеся вещи) говорится о хронически длящемся бедственным положении страны, народа, утверждается, что это происходит по злой воле «сидящих над нами» правителей-узурпаторов, автор именует их «волчьей сворой», тем не менее велеречиво восклицает, пророчит: «Я оптимист! И сердцем верю:/ Цвести России, а не гнить!» И приводит, как ему кажется, неотразимый довод – объяснение: «Нельзя иначе... даже зверю,/ Присуще Родину любить!». Данная аргументация в корне несостоятельна, в ней обнаруживается поразительная эстетическая и одновременно этическая глухота, дремучий примитивизм графоманского мышления, непонимание меры, веса, природы слова, право, не нужно быть Писателем (каковым себя мнит и публично объявляет Граков), не надо иметь семи пядей во лбу, дабы уразуметь простую истину: при всей силе природного инстинкта, животной чувствительности и сверхчувствительности никакому зверю – будь то волку, медведю, крокодилу или обезьяне – не присуще то, о чём разглагольствует стихосочинитель, ибо понятие «Родина» (с большой буквы) включает в себе важнейший экзистенциальный смысл, и, чтобы постичь оный, требуется от живого существа высшая степень интеллекта, мироощущения, а такое, согласимся, не отпущено звериному созданию, строго говоря, Родину любить способна не всякая людская особь, но лишь человеческая личность, сумевшая стать на особую духовную ступень. Только в том-то и беда, что в современном мире духовное начало всё более и более утрачивается, атрофируется, а сами российские патриоты у нас ещё со времени горбачёвской «перестройки», и особенно с начала «лихих 90-х», по сегодняшнему дню, вопреки официально провозглашённому державному курсу, отеснены с авансены общественно-политической жизни, лишены доступа к рычагам управления государством, к центральным СМИ, находясь в глухой оппозиции, поэтому оптимизм автора не имеет под собой почвы, наигран, уж коли он взялся витийствовать, то ему негоже благодествовать, морочить наши головы пустыми прожектами, а, напротив, в свете известных негативных явлений современности, в преддверии по всем признакам грозного грядущего надобно бить в набат!

(Продолжение следует)

О чём пишут кубанские прозаики

ГОША, СУХАРЕНОК И ДРУГИЕ. ..

«Проза Геннадия Пошагаева проста», – такие слова не раз приходилось слышать на презентациях, читать в рецензиях...

Но герои Пошагаева «просты» только на первый взгляд. Признаться, само это понятие: «простые люди» иногда вызывает недоумение. Что сие значит? Бедные, необразованные? Писатель Пошагаев – человек не богатый, получивший образование от самой жизни. Но с ним любили общаться и отчески наставляли такие признанные корифеи пера, как Анатолий Знаменский, Александр Стрыгин, Виктор Логинов, Виталий Бакалдин, Вадим Неподоба... Значит, было в нем, в «простом» паренке, что-то особенное. И он впоследствии не раз доказал это своими произведениями, вызывавшими у его многочисленных друзей-читателей «и слезы и любовь».

Ныне Геннадий Григорьевич Пошагаев – опытный, зрелый прозаик, автор многих повестей и рассказов. Его новая, недавно вышедшая книга «Колея-судьба» – плод жизненных наблюдений, и, как сказал поэт, «сердца горестных замет».

Книгу открывает автобиографическое произведение – повесть «Немая». С трагической историей немой банщицы Полины и её сына Гоши, оставшегося после ее смерти сиротой и попавшего в детский приют, кубанские читатели знакомы уже давно. В 2000 году повесть «Немая» была напечатана в нескольких номерах «Литературной Кубани». Неподдельное читательское сочувствие к героям Пошагаева, которое выразилось во множестве звонков и писем, свидетельствовало о том, что автор был услышан и понят.

С тех пор «Немая» стала своеобразной визитной карточкой писателя. О повести и её главных героях много писали краснодарские критики. Добавлю, что не только Полина и Гоша, но даже эпизодические герои повести предстают перед нами как живые. Они пережили тяжелейшие военные годы, но не потеряли своей самой лучшей черты – способности помогать слабым и беззащитным.

Сторожиха тетя Надя, грубоватая ворчунья, по-матерински опекает маленького Гошу, «усатый и грузный» механик бани Назаров, ни минуты не колеблясь, дарит Гоше свою теплую солдатскую шапку с красной звездой. Конечно, не все люди, окружающие Гошу, в равной мере добры и честны. Он еще совсем несмышлениш, и так легко сбить его с правильного пути! Бабка Кыля, лицемерно приглубив мальчика, использует его в качестве попрошайки на паперти, а потом делит с ним «добычу»...

Когда к осиротевшему Гоше является равнодушный и неумолимый «спецсопроводитель», чтобы увести его в детский дом, мы до последней страницы еще наивно надеемся на чудо. Но счастливого конца у этой невыдуманной истории нет и быть не может. Мы оставляем Гошу, плачущего, трясущегося в телеге на пути в приют, зная, как много страданий ему придется принять, и как много лет пройдет, прежде чем он станет взрослым, сильным, уверенным в себе человеком.

Сборник прозы Пошагаева композиционно построен так, что вторая повесть «Иван и Ванновка» словно продолжает тему первой. И хотя в ней не говорится о дальнейшей судьбе Гоши, мы можем представить, что его ждало за стенами дома, который так ласково и умирительно называется «детским». Возможно, читатели старшего поколения помнят поэму Агнии Барто «Звенигород». Там описан безмятежный рай, где в мире и согласии живут «тридцать братьев и сестер». Дети-сироты обласканы воспитателями, сыты, хорошо одеты, обуты, у них много игрушек, потому что «о ребенке каждом думает страна».

Пошагаев не ставил перед собой задачу разоблачать и обличить условия содержания детей-сирот в обыкновенном приюте, каких было сотни в нашей стране после

войны. Он просто рассказал читателям правду о том, что знал сам, не понаслышке, ничего не преувеличивая и не приуменьшая. Он словно говорит нам: да, были голод и холод, туманы и оплеухи от старших воспитанников, полная зависимость от воспитателей, но живя в условиях, тяжких даже для взрослых, дети не ожесточились, сохранили чувство товарищества и взаимовыручки, умения любить и сопереживать.

Хвастливый, ершистый, изворотливый, Сухаренок проявляет настоящее великодушие и мужество, спасая собаку Зухру. А когда узнает, кто бросил раненого животного в выгребную яму, приходит в ярость. Расправиться с обидчиком – отныне дело его чести. «Ты настоящий боец», – говорит ему трусливый и осторожный Николай Проценко. Это не пустые слова. Именно за храбрость, независимость, справедливость полюбила Сухаренка «длинноногая и тощая» Тамара Дедовик. Но её любовь безответна, потому что Сухаренку нравится другая девочка. В детском доме кипят поистине шекспировские страсти, которые, в конце концов, разрешаются весьма печально – «преступник» попадает в исправительную колонию. Отсидев срок, повзрослевший Сухаренок пытается подняться, выйти в люди, но это ему уже не под силу: детский дом и тюрьма – не лучшие стартовые площадки. Отныне судьба детдомовца неизбежно пойдет по уготованной ему «колее»... Невольно задумаешься о безрадостной участи энергичного, но некому не нужного, лишенного поддержки паренка, о котором, по уверению Агнии Барто, неустанно «думала страна».

К счастью, бывали исключения. Самый яркий пример тому – сам автор, прошедший суровую школу жизни и ставший в итоге известным кубанским писателем. Таков и воспитанник детдома Санька из рассказа «Мальчишки».

Если герои Барто после занятий играют в тенистом саду и качаются в гамаках, то детдомовцы Пошагаева слоняются по пыльной станице в надежде что-нибудь раздобыть, желательно съестное. На этот раз мальчишкам «повезло». Они нашли разбитый баллон, в бочковине которого осталось немного вина. Что за этим последовало, рассказывать не буду. Становится больно, когда представишь на месте несчастных детдомовцев своих собственных детей. Спасибо автору за оптимистичный финал: мальчишки выросли, оперились, обрели профессию. Николай стал моряком, а Санька – художником: «полученное впечатление даром для него не пропало и даже очень пригодилось на всю оставшуюся жизнь».

Пошагаев не замыкается в одной теме. В его книге есть и повесть о трудном поиске любви «Рая и Харитон», (ранее это произведение издавалось под названием «Непокоренная»), и повесть о том, как постепенно духовно и физически разрушается бывший учитель, не приспособленный жить в условиях пресловутой «перестройки» («Колея-судьба»).... Мы сочувствуем героям Пошагаева. Они чередой проходят перед нами: сухая и педантичная Екатерина Дмитриевна из рассказа «Мымра», которая оказалась «ближе к святости, нежели кто-либо другой», бывший фронтовой дед Даниил из рассказа «Хорошая примета», ставший обузой для своих домочадцев, словоохотливые бабульки, которые просто «поговорили у калитки», дав нам «информацию к размышлению»...

Читатель может познакомиться с совершенно новой, ранее не публиковавшейся повестью «Земляки», в которой автор пробует себя в историческом жанре, взяв тему гражданской войны и нэпа.

Писателей-историков условно можно разделить на две группы: реалисты и «приключенцы». Пошагаев попытался соединить в себе и тех, и других. В его повести мы находим и реалистическое описание станичной жизни 20-х годов, и остросюжетные ходы. Дезертир Тарабан, которому мы поначалу сочувствуем, на поверку – жадина и хапуга, нахватывший столько земли, что не в силах её обрабатывать, а есаул-бело-

гвардеец Сосновский, который поначалу вызывает у читателя неприязнь из-за грубого обращения с подчиненными, оказывается настоящим героем.

Небольшая повесть написана основательно, добротна. В ней много достоверных деталей. Конечно, Пошагаев не мог быть непосредственным свидетелем изображенных им исторических событий, но когда чувствуется искренний авторский интерес к своей теме, то он невольно передается читателю. Ошибку читатель может простить, равнодушие – никогда.

В сборнике прозы Геннадия Пошагаева «Колея-судьба» для меня наиболее привлекательны образы детей, особенно мальчишек. Может быть, поэтому первая часть повести «Иван и Ванновка» о маленьком Сухаренке и его друзьях показалась мне сильнее, чем вторая, где описывается взрослая жизнь героев. Интересно, что и сам Сухаренок, став пожилым человеком, тоже удивляется:

«Странно, находясь в Ванновском детском доме... думал о матери, отца вспоминал, ушедшего на фронт, мечтал вырваться в город, где вырос. А в настоящий момент, когда стал взрослым и уже немолодым, иначе выходило: наоборот, живя в Краснодаре, тянется в Ванновку... И поныне чистым является озорное послевоенное детство, мальчишеская дружба, влечение родственных душ».

Это очень верно подмечено писателем. Ведь именно в детстве маленький человек впервые осознаёт себя как личность, учится ценить настоящую дружбу, впервые с трепетной тревогой чувствует в себе способность любить.

ЛЮБИМЫЙ ВНУК ДЕДУШКИ ГЕЙДАРА

Особенность творчества заслуженного работника культуры Кубани Джебраила Наврузовича Халиди, иранца по национальности, состоит в том, что он, прожив много лет в Советском Союзе и России, прекрасно усвоив русский язык и русскую культуру, не утратил свои родные корни. Он не предал забвению культуру своей исторической родины – Ирана, сохранил память о родной семье и друзьях детства. Именно поэтому так интересны рассказы и повести Джебраила Халиди русскому читателю. Рано потеряв родителей, всю свою любовь и нежность Джебраил отдал воспитавшим его бабушке Гюль Санам и дедушке Гейдару, им он посвятил свои самые теплые трепетные рассказы.

Словно живой, предстает перед нами дедушка Гейдар: мудрый, справедливый, внешне суровый, но внутренне добрый и великодушный. Вот он идет с рынка, неся на плечах тяжелый тюк ткани, а мальчишка-подросток, выхватив у него покупку, скрывается в узких переулках Старого города... Негодованию дедушки Гейдара нет предела. Но когда вора ловят и передают суду, он первым вступает за него, объясняя, что сам попросил его помочь дотащить тяжелую ношу. Зачем ломать молодую жизнь? Мудрый старец оказался прав: мальчик вырос порядочным человеком, навсегда запомнив полученный урок и сохранив благодарность к своему спасителю («Всевышний над нами»).

Больше всего на свете дедушка Гейдар любит своего внука. Но когда его вызывают в школу и хвалят на родительском собрании, он неожиданно начинает протестовать. Дедушка говорит, что его внук не такой уж идеальный ученик, да и с дисциплиной у него не всё в порядке. Это тоже своеобразный урок нравственности. Поддержать того, кто оступился и упал, но не дать возгордиться тому, кто достиг больших успехов – вот, по мнению дедушки Гейдара, первое правило воспитания.

В своих рассказах о детстве Джебраил Халиди раскрывает особенности взаимоотношений между людьми разных националь-

ностей. Если люди живут рядом в мире и согласии, то национальность не имеет значения. Его отец был иранским революционером. В Баку, куда эмигрировала его семья, спасаясь от репрессий, не было никакой национальной розни. Все старались помочь друг другу. Увидев, что мальчик делает уроки сидя на полу (как принято в иранских семьях), русский сосед, инвалид Великой Отечественной войны дядя Гриша, дарит ему стол и стулья, которые сделал своими руками. Слезы невольно наворачиваются на глазах маленького героя рассказа «От добра добра не жду». Через несколько лет, став взрослым, он придет отблагодарить соседа, но тот, радостно встретив его, попросит «не обижать старика».

Страницы произведений Халиди согреты обаянием личности самого автора. Это человек высоких нравственных качеств, для которого превыше всего – чувство долга, готовность в любую минуту прийти на помощь другим людям. В мемуарной повести «Как вас величать, сударыня?» есть глава «Схватка в воздухе», в которой автор рассказывает об ужасном случае из собственной жизни. Самолет, в котором он летел в Баку, подвергся нападению террориста. По капризу судьбы, неадекватный, вооруженный до зубов бандит занял место в самолете рядом с писателем и двумя его друзьями. Благодаря быстрой реакции, находчивости, а главное, необычному мужеству Джебраила и его друзей, террорист был схвачен и обезврежен. Также был найден и арестован его сообщник. Халиди рассказывает обо всем спокойно, ничего не приукрашивая, без пафоса и без неуместного юмора, к которому в подобных случаях прибегают некоторые авторы, стремясь выглядеть перед читателем «ещё круче». Только в самом конце главы мы чувствуем легкую усмешку писателя и сами улыбаемся, читая реакцию на происшедшее радиостанции BBC: «В то время, когда в Иране разворачиваются революционные события, в Советском Союзе инсценируется угон самолета в Турцию. Господа, разве это не вмешательство во внутренние дела Ирана?».

Легкая шутка украшает такие рассказы, как «Антон Павлович», «Люля-кебаб по-крымски», «Синенькие, черненькие» и многие другие. Смешное и трогательное у Халиди часто идут рядом, сопровождая друг друга. В рассказе «Господи, помоги» родители переносят кровать 4-летнего сына из своей спальни в другую комнату, потому что он «уже взрослый». Им и в голову не приходит, как страшно малышу спать отдельно от родителей. Все попытки мальчика вернуться к маме и папе решительно пресекаются. Проходит несколько дней... И вот однажды ночью взрослые случайно становятся свидетелями, как ребенок, собиравшись нарушить родительский запрет, в отчаянии обращается к иконе: «Господи, хоть бы не выгнали меня...»

А вот тяжело больной старик из рассказа «Ах, Гасан, Гасан». Он «в течение нескольких дней вовсе ничего не ел, даже капли воды не выпил», оживился только, когда в гости пришли дедушка Гейдар с внуком-школьником. Рассматривая в школьном учебнике химии портрет пышноволосой незнакомки, больной говорит, что «непременно женился бы на такой красавице». Крамольные речи вызывают бурное негодование его законной жены, бабушки Сусан. Но вскоре всё тонет в неудержимом хохоте: на портрете изображен великий ученый М. В. Ломоносов! «Наш сосед прожил после этого случая ещё несколько лет», – сообщает автор.

Условно произведения Халиди можно разделить на три вида: короткие рассказы о раннем детстве, мемуарные повести о молодых годах автора, а также персидские сказки и легенды. Над его произведениями незримо витает дух Востока, что особенно заметно в сказках и легендах, переданных с большой любовью к первоисточнику – иранскому фольклору. Они напитаны народной мудростью, лиризмом, мягким юмором. Такова «Легенда о настоящем лентяе», «Птица Хумаюн», «Великодушные устада»...

(Окончание на стр. 5)

ПРОЗА

Глупый Гриць¹

Был казак лихой – Гриць. И не дал ему бог ни ума, ни страху.

Смладу – ещё и не птенец даже, а так, наклёвшу – а уж видать было, что дурень. И много ж препотешного подарил он землякам за молодые годы, а якбы до старости дожил, так и по сей бы день реготливый² был бы у нас люд.

А через него и весь, вкруг близости, народ подёрнел, как заразился. Это ведь разумом не одолжишься, а глупь сама липнет, не ото-бьёшься. Да людям оно ведь и весело – от чужой дури...

Вот, было, сидит Тарас Слива, дед во всей станице самый наиглузливый³, жмурится себе хитро на бредущего мимо Грицяню, переморгнётся с Сашко Лагутой, да с иными, а те уж и чекают, ироды, потехи.

– Ну шо, Гриць, тяжко? А куды всё поспешаешь?

– Да з мамкиного доручення⁴...

– То-то – взмок... Чого ж ты её-то за собой тягаешь?

– А кого це?

– Та тень же ж!

– А як же... Чого ж?

– Да ты повытопчи её хоч трохи, полегшае! Ось так, давай покажу...

И полчаса потом за бока держаться, гляючи; да ещё народ скличут – «Дывуватысь, як Грицятко божевильный свою тинь безвынно толочить»⁵. А станет солнце повыше, а тень покороче, скажут ему:

– Ну ось, глянь. Теперь полегшае. Ступай теперь...

Или вот тот же Сашко, бешкетник⁶, на лавке под воротами шаблю точит, а мимо, на беду свою, отрок тот недоумный шлёпает. И у Сашко уж очи бедовые масляты да сощуриваются.

– А ну-ка, Грицянь, глянь молодым глазом: як тоби? – и шаблю перед носом и так и этак: дивись, мол.

– А чего? Ничего... – Гриць, значит, розумничает.

– Та ты глянь, глянь... Здаётся, не выставае?⁷

– Ага. А чего это?..

– Та кривизны ж не выставае, глянь!

– Ага, – кивает Грицяня сокрушённо, – не выставае.

– Вот беда-то, – вздыхает тут подлый Сашко, – а я ещё, как назло, ногу натёр (хошь, покажу?) и что теперь делать? Слушай, Гриць, не в службу, а в дружбу, ноги у тебя молодые, сгоняй до Кошевого – не найдётся ли у него две щипки кривизны. Давай по-швидкому, а то беда!..

(Вот и вы регочете – тож разума-то...)

И чешет Грицятко через всю станицу, на инший край, до Кошевого за кривизною. Так ещё ж, наивная душа, по пути и поведает всякому встречному про Сашкину беду и свою радостную помощь. А Кошевой, Самойла, жук ещё тот, я скажу. Сразу смекае, что затевается забава, и аж распушился весь, расцвёл. Обстоятельно и с большим удовольствием распытал Грицяню о грустном происшествии с Сашкиной кривизною и завздыхал, паразит, заохал.

– О-хо-хох, беда-то яка! Это ж надо – вчера только было полмешка наизамечательнейшей заморской кривизны, да вечером на соль сменял у Самсона, представляешь? Вот, глянь, осталось полфляжки в ридкому

¹ Мягкий знак в имени ставлю лишь для того, чтобы подчеркнуть произношение рассказчика.

² Смешливый, хохочущий. (укр.)

³ Насмешливый

⁴ По поручению матери

⁵ Дивиться, как Грицятко безумный свою тень безвинную вытаптывает

⁶ Безобразник

⁷ Не хватает

выгляди⁸, разбавленной. Ты сбегай, поспытай у Сашко, не пойдёт ли ему жидкая кривизна. Тоды дам цю. Да по пути заскочи, поспрошай у Дуняшки, она по части кривизны большая майстриха⁹. И у Якова запытай, Стороженки, коль мимо пробегать будешь. Только у него бережно¹⁰, не говори, что я послал. Ладно? Ну, бижи, бижи.

И мчит Гриць обратно через всю станицу до Сашко, по шляху потешаючи и Дуняшку, и Якова, да и встречного любого. А Сашку, знамо дело, жидкая кривизна никаким боком не подходит, и посылает он Грицяню на хутор до Макара, а тот ещё куда, подалее. Так и гоняют хлопца из конца в конец – на пол дня потехи... Ну и кто тут, скажите, перший дурень? Над дураком шутковать – тоже ум надо иметь, а то и не заметишь, как в коровячий коржик сядешь...

Случилось – идёт Павлуха Гонтарь с женою своей Анкою поутру в церкву. Сам-то мужичонка безглуздый¹¹, а над тем-кто ещё подурнее – пошутковать любитель. А навстречу, звычайно, Гриць. Павлуха от гарного настрою и от нетерпелай игривости аж задом елозит, будто ему в штанах колется.

– Здорово, Грицяй! Скильки рокив, скильки зим...

– Бачылыся вчора, – бурчит

Гриць, у которого плохое настроение с утра оттого, что до вечера далёко.

– Так то вчора... А коли це вчора, не пригадаю?

– Та! По-за гулянькой, по-

темну уж, у верболози... Вы ж там с Дуняхой обтискивались да перечмокивались...

– Тю! Чего ты брешешь, дурья башка! – орёт заробевший Павлуха, у которого от ползучего жаху и волосы дыбом, и зад поулее сделался. Да только поздно орать-то. У Анки уже и брови шаблями, и руки в боки.

– А, нук-нук... А де це ты переобтискивался? А с кым це ты переобчмокивался, иудская твоя морда? Я ось чичас тоби, чого треба, пооттискаю! Я ось чичас тоби, чого треба, поотчмокаю!

У-ух-х-х, ты! Анка – баба, ведомо, майданная. Не баба – навала... Тут у Павлухи уж, прости Господи, и из хвоста пух, и из гривы перья! А и поделом. Кто, ведомо, за дурнем погонится, тот его и перегонит. Словом, знать стали *станишники*: шутить – шути, да только впопервой пораскинь мозгою.

Да всех историй про Грицяню – на год рассказу, и то скороговором. Язык сотрёшь, и память лопнет.

Так он и рос среди смеха и задору, и вырос дубочком крепким да звонким. Что ни попроси – сделает, куда ни пошли – исполнит. Даже если совсем ему не хочется, скажи только: «Да мы ж казаки!» И всё, он готов волосьями своими задушиться, а дело сделать. Крепче всех иных гордился он своим казацством. Хотя и оставался дурнем непроглядным. В такие заварухи в боях залазил – выручай его потом... Очи выплупит – и вперёд!

– Да куды ж ты прёшь! Их он скильки! Лягай и никшни!

8 В жидком виде

9 Мастерица

10 Осторожно

11 Глуповатый

– Та! Мы ж козаки! – и погнал, пропащая душа! Не бросать же его одного на убойную смерть. Вот и несутся за ним, как оглашенные, и достаётся всем по первое число от чечен переважных – они ж Грицяню тогда не знали и, до поры, его не боялись.

С тех и прочих случаев с Грицем и разговаривать стали с опаскою – а ну как ляпнешь чего, да поймёт неверно. И на дело брать его мало было желающих, даже Стороженко откостился. Яков – тот вообще, если кого и страшился на свете, так это Грицяню Ковалю. Даже то, что вырос Гриць силы немереной, как-то отпугивало – сам-то, вроде, и не дуже велик размерами, а могучеством мало кому уступит из вызнанных силачей.

Как-то идёт по своим бездельным надобностям Филька Петровченко, казак хвацкий¹², да забулдыжный, а навстречу ему корова Мутильда макардовская, толстенная, вымяром не слаще Л и з а в е - ленивая да коровячьим тиком, Гриць

стоя, а характер макардовской ты – едучая, впёртая. А за задом, с пружинкой, улыбочивый, но уже розьятреный¹³

взмокрый.

– А чего это ты с Мутильдой прогуливаешься? – спрашивает Филька икаючи. (Эт у него по-трезвянке с ранку завсегда икавка.)

– Та вот, – отвечает Гриць, – Тараска велел до Лизаветы свести, а она, впёрта, не йде.

– А сердитый чого?

– Та не йде же ж!

– Тю! Плакать теперь! Давно б узая, та виднис...

Сказал он это весело, и пошёл, регочущий. Вдруг чует за спиною *хымэрное*¹⁴ такое помыкивание: «мык, мык, мык...», оглянулся он и обомлел. И щелепа¹⁵ у него пониже усов обвисла, и навеки, сказывают, иковка у него прошла. И стал заиком.

Подлез, это значит, Гриць под Мутильду, поднялся с нею – лишь задние копытца зем-

12 Лихой

13 Раздражённый

14 Странное

15 Челюсть

лю шкребут – и тягнет на себе толстомясую. А у той от коровячьего изумления уж и очи за рога закатываются. Только на «мык-мык» и хватает у неё силов...

(Эх, и курить же охота, да никто не пригощает... Пойти, эта, поспать... Али на речку... А-а-а, ну давай, давай, выпробуем, что за трава у тебя...)

«...С той поры, сказывают, самой покладистой стала Мутильда коровою. Да и доитися стала добре – чистым кисляком...

«А вскорости о дурне этом знаменитом, сказывают, и за морем молва прошла.

Идёт как-то журный¹⁶ Гриць с козою Юшкой, а на шляху его, на беду, едкий Тараска Слива с Аюбкой заезжим торгуются-перелаиваются. Ну да Тараска ж Гриця разве так пропустит, без затей чтобы...

– Ну, як житие, Гриць? Добре?

– Та добре ж...

– А як маманя, добре?

– Та добре ж...

– А коза як? Хорошо?

– Та добре ж... А яка коза?

– Так от ця ж!

– Юшка-то? Та ну её...

– А чего: «та ну...»? Добра коза.

– Та не... Ненька говорит: продаваты треба – не доитися.

– Совсем?

– Ага!

Почухал Тараска потылицю с самым *науковым* видом, обошёл козу, пригляделся сзади и спереди...

– Тю! Дура она тебе – доитися! Тебя мамка в детстве титькой годувала?

– Ну?..

– Шо – ну? Кормила?

– Ну да ж...

– Молоком?

– Ну?

– Ну-ну... А деда Гришка помнишь? Он тебе титькой годувал?

– Та нее-е... – улыбается Гриць во весь рот.

– То-то! А почему?

– Ну?

– От, занукал! Меркуй! Ты же *розумный хлопец*! У мамки твоей борода е?

– Та нее-е...

– А у Гришко – во яка была борода, что у твоей Юшки...

– Ну?

– Тьфу ты, та що ж незразумилого? У кого же это под бороною молоко бывает? Кто ж це ж бородастый доитися?

– А-а-а... Ну?

– Та шо ж: «Ну»? У твоей козы, ты глянь-ка, яка борода! Ты её вот побрей скоренько – поглядишь тогда: молоко некуда девать будет. На вот тебе тесачок, заточи только – и брей швидче...

Вот такая вышла картина: Гриць до бритвенной тонкости тесак точит, Тараска по окрестностям на представление народ собирает, а коза Юшка, до тыну привязанная, орёт на всю станицу от нехорошего предчувствия.

Сам султанка турецкий, сказывают, одну войну отменил, чтоб только не мешала она ему байку слушать про то, как казак Гриць козу голив...

...Здоров ты, Петруха, ухмылки строить – на дурницу-то... А ну-к, покурить дай, гоготун! Во-о-от, то-то. Так об чём, бишь, я гутарил?...

То-то, да...

И багат у препотешного подаровал он землякам за молодые роки, а якбы до старости дожил, так и по сей б день реготливый был бы у нас люд...

Вячеслав Динека,
член Союза писателей России

16 Грустный

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(Окончание. Начало на стр. 4)

Мы читаем рассказы и повести Халиди, и таинственный Восток становится нам ближе. Сближение народов происходит, прежде всего, в результате сближения их культур. Но есть чувство, для которого нет национальных границ. Это чувство – любовь. Светловолосая голубоглазая красавица Мария из Краснодара сразила восточного юношу с первого взгляда. Об этом трепетно вспоминает убежденный сединой писатель, словно всё происшедшее случилось только вчера. Повесть «Как вас величать, сударыня?» автор посвятил

своей жене. Сейчас уже никого не удивит межнациональными браками, а в 70-80-е годы к ним относились настороженно. Неудивительно, что так трудно складывались отношения Бахрама и Марии (под такими именами действуют истинные герои повести – сам Джебраил Халиди и его жена Светлана). Их браку поначалу противится мать невесты, «бабушка Аня»... Но пройдет время, и она убеждается в том, что, «оказывается, среди иранцев есть хорошие люди». Любовь способна преодолеть любые преграды, и невыдуманная история, рассказанная автором, – прекрас-

ный тому пример.

Иногда бывает так, что, читая произведения писателей, для которых русский язык не является родным, мы закрываем глаза на некоторые неточности. Джебраил Халиди в такой снисходительности не нуждается. Он пишет на правильном русском языке, и его произведения адресованы всем, кому интересна его жизнь, идеалы и духовные ценности, дорогие воспоминания...

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России

ПРОЗА

Юрий Пахомов

Москва

Где эта улица, где этот дом...

После смерти жены Григорий Григорьевич Кулага отошел от дел, фирменные магазины и винные бутики передал сыну Денису, сам же числился кем-то вроде старшего консультанта и в центре оптовой торговли, и в шоу-руме появлялся лишь при подписании крупных контрактов или при отгрузке партии вин старым заказчикам.

Григорий Григорьевич не любил сына. Денису перевалило за пятьдесят, он никогда не был женат и, судя по манере одеваться, вести себя с молодыми менеджерами, был геем и не скрывал этого. Была еще одна причина для неприязни: сын представлял собой увеличенную копию покойной супруги Маргариты Захаровны, то есть был белобрыс, с пустыми жесткими глазами и округлыми, женских форм, бедрами. Денис так и не стал хорошим специалистом, хотя у него была деловая хватка, передавшаяся ему от матери, он мог что угодно устроить и организовать, но ничего не смыслил в вине. А тонкие французские вина, как был убежден Григорий Григорьевич, имели душу и требовали особого внимания и любви. Ведь вино живой, чувствительный организм. Взять хотя бы духовную связь между материнской лозой и уже разлитым по бутылкам молодым вином. Стоило до времени вырубить материнскую лозу, как вино скисало, и в этом был заключен некий сакральный смысл. Более того, связь лозы с виноделом с годами становилась настолько жизненно необходимой, что в период горбачевской перестройки, когда варвары выкорчевывали винограды, многие виноделы покончили с собой.

Оказавшись один в винном подвале, Кулага подошгу разговаривал с вином, проходя вдоль стеллажей с бутылками, при этом у него менялось выражение лица, и, оказавшись в этот момент Маргарита Захаровна рядом, она бы не поверила, что голос, наполненный теплотой и нежностью, принадлежит ее мужу.

Григорий Григорьевич не любил и побаивался жену, но был скрытен, обходителен, в нем, как заметил один из его приятелей, умер неплохой актер. Маргарита Захаровна ценила в муже представительный вид, интеллигентность, умение ладить с поставщиками, тонкое знание дела, но презирала как мужчину. Они давно не спали вместе, да эта сторона жизни ее мало волновала. Подлинной ее страстью была власть, ну и, конечно, деньги. И умерла она страшной смертью: ее «Мерседес» провалился в промоину теплоцентрали – лопнула магистраль горячей воды. И это напоминало Божью кару, кару за грехи.

Через полгода после похорон Григорий Григорьевич разъехался с сыном, купил себе трехкомнатную квартиру в доме на Фрунзенской набережной, из окон гостиной было видно серое лезвие Москвы-реки, за ней Парк культуры, где до позднего вечера свистели, скрежетали «американские горки» и мигали огоньки аттракционов. Кулага просыпался рано, часов в пять, и, стоя у окна, любил наблюдать, как по сонной еще реке медленно ползут баржи, груженные рыжим песком, а то проплывает неуклюжее сооружение – земснаряд или дебаркадер, переделанный под ресторан.

Река текла, как текла и сама жизнь. От судьбы Григорий Григорьевич давно уже ничего не ждал и не боялся смерти. Ему теперь частенько приходила в голову мысль, что он прожил пустую, бесполезную жизнь, жизнь без любви. Были ли у него привязанности? Безусловно! Книги и вино. Нет, он не пил, точнее пил как дегустатор и эстет. Григорий Григорьевич специализировался по «Бордо». Он не раз бывал во Франции, посетил ряд замков Шато с виноградарями, и на видном месте в гостиной, на антикварном столике, лежали превосходно изданные альбом Шато и справочник «Гид Ашет». В кабинете стояли холодильные шкафы с коллекцией редких французских вин. Он создал для себя выдуманный, удобный для пользования мир и всю жизнь прожил в нем.

Раз в неделю к Григорию Григорьевичу приходили две студентки Ира и Аня, они убрали квартиру, ходили за продуктами, лекарствами. Обе крепенькие, темноглазые, говорящие на удивительном языке, которым еще пользуются на Кубани. Обе из города Славянска, они учились на физико-математическом факультете МГУ.

Когда он наблюдал за этими милыми пичужками, где-то на самом доньшке его длинной жизни вспыхивал огонек, Григорий Григорьевич пытался вспомнить что-то давнее, но всякий раз чья-то жестокая и злая воля гасила слабое, трепещущее пламя.

Дела фирмы шли все хуже и хуже. Начиная с конца девяностых годов трижды повышались импортные пошлины и акцизные сборы, причем в разы. Возникли проблемы с доставкой французских вин. Российский транспорт для перевозки не допускали из-за интенсивных газовых выхлопов двигателей, и солидная французская фирма «Сита» тут же задрала цены доставки своим транспортом. Поставщики пошли на хитрость, стали делать тонкостенные бутылки, чтобы снизить вес продукции. Не помогло. Возросла страховка на международные перевозки, участились грабежи фур в Беларуси. Стали возить через Финляндию. Дороговато. Импортёры начали выдавливать друг друга из бизнеса, случались разборки, войны. Последний удар нанесли власти: ввели дополнительные региональные акцизные марки. Инвестиции прекратились, французские поставщики стали уходить с российского рынка. Нужно было искать поставщиков в России, но все уголья были давно распределены. Требовалась «крыша». Вот тогда возникла у Григория Григорьевича мысль съездить в Краснодар. Сын к затее отнесся с полным равнодушием:

– Поезжай, проветришься. Родина все-таки. Чем черт не шутит.

От Дениса пахло пряными французскими женскими духами, Григорий Григорьевич с трудом подавил отвращение.

Вечером позвонил офисный менеджер: – Я заказал билеты на завтра, поезд «Москва–Адлер», купе «люкс», отправление в пятнадцать тридцать, прибытие в двадцать один сорок. Для вас забронирован номер в гостинице «Краснодар». Это где-то в самом центре.

– С какого вокзала отходит поезд?

– С Курского, естественно.

Кулага подошел к окну. По Крымскому мосту неслись автомобили, огоньки подфарников напоминали полет светлячков где-нибудь в Гаграх. Там, за мостом, стоял памятник-монстр, творение Зураба Церетели. По Москве гулял анекдот: император Петр Первый в полномунье покидает пьедестал и, гремя сапогами, ходит по столице, пытаясь разыскать автора памятника.

Григорий Григорьевич не любил летать самолетом, не любил сутолоку и неразбериху аэропортов, где почему-то всегда приходилось ждать и трудно было разыскать место регистрации. Нынешние железнодорожные вокзалы тоже не радовали: бомжи, юркие воришки безпризорники, азиаты, расположившиеся в зале ожидания прямо на полу, их дети, облепленные мухами. И все же есть момент, когда идешь по перрону, у вагонов стоят аккуратно одетые и причесанные проводницы, окна в вагонах освещены, за ними смутное движение, и все это сулит путешествие. А в воздухе висит какой-то особый, кисловатый запах угольного дыма, хотя давно уже нет паровозов и вода в титанах разогревается электрическими тэнами.

Кулага был потомственным виноделом и энологом. Дед его много лет служил в фирме «Абрау-Дюрсо», отец, профессор, заведовал кафедрой технологии и организации виноделия и пивоварения в Краснодарском институте пищевой промышленности. Григорий Григорьевич до начала девяностых годов проработал инженером-технологом на различных винозаводах. По настоящему

его талант раскрылся, когда жена создала русско-французскую фирму и открыла несколько магазинов элитного алкоголя. Несмотря на возраст (за пятьдесят), Кулага окончил школу «сомелье» и с той поры не пропустил ни одной выставки «Продэкспо» и «Интердринк». Специализировался по винам Франции. Пока был при деле – жил, сейчас его бытие скорее напоминало имитацию жизни. Что ж, на кольце царя Соломона было выбито: «Все проходит».

За окном проносились серые полустанки, между деревьев кое-где лежали островки серого снега. Апрель в Москве выпал прохладный. Но чем дальше поезд уходил на юг, тем стремительнее менялся пейзаж за окном, превалировали черные, зеленые, голубые цвета, и все это было подсвечено ярким солнцем. На линиях электропередач сидели крупные сороки, издали напоминающие нотные знаки. А на Кубани уже буйствовала весна. В садах цвели плодовые деревья, зеленели озими, за фиолетовыми полями в дымке проступали горы.

Сосед по купе, молодой, но уже расплывшийся бизнесмен, пропадал в ресторане, приходил пьяный, часок, другой спал и опять исчезал неизвестно куда. Кулага взял с собой в дорогу томик Блеза Паскаля «Мысли». В этом грохочущем, постоянно меняющемся мире хорошо было вчитываться в ясные строки писателя семнадцатого века.

Поезд в Краснодар приходил в 21.40. Быстро темнело, прошел дождь, в угольно-черных лужах отражались огни реклам. Григорий Григорьевич не был в родном городе лет двадцать, отношения с родственниками давно расстроились, оповещать он никого не стал. Взял такси. Молодой парень в красной бейсболке лихо выскочил на улицу Красную, собираясь свернуть влево, к городскому парку, видно, решил прокатить приезжего лоха.

– Вы меня только на Дубинку не увезите, – сухо сказал Кулага, – поезжайте прямоком к гостинице «Краснодар». Я в этом городе родился, – и, расплачиваясь с водителем, не дал ему на чай.

Улица Красная жила своей жизнью. Как и в его годы, по тротуару прогуливались молодые люди. В сквере приглушено звучала музыка. Было душно. На месте входа в бывшую гостиницу «Кубань» теперь размещалась аптека, исчезла средняя женская школа № 36, куда Гриша старшекласником не раз ходил на танцевальные вечера. Гостиница «Краснодар» поглотила школу и еще несколько домов, стоящих рядом, и это неприятно поразило Кулагу. Холл с рецепшен был почему-то освещен голубоватым светом, пахло краской, у портье было серое, испитое лицо, а вот одноместный «люкс» ему понравился, размещен он был в правом крыле, окна глядели на улицу Красную. Кулага не сразу сообразил, что его номер построен на месте, где некогда размещался один из классов женской школы. Надо же! Он вспомнил, как они, мальчишки, уединялись с девочками в темных классах – нет, нет, ничего такого, кроме торопливых поцелуев, – прислушиваясь к шагам строгих преподавателей, а этажом ниже гремела музыка, чаще всего разрешенный директрисой «Школьный вальс».

Кулага спустился в ресторан, заказал салат, рыбу в кляре и бокал белого вина. Вино оказалось совсем недурным, хотя слегка отдавало пробкой. Публика только собиралась. Справа от него, за столиком, расположились пестро одетые юнцы, двое были с подкрашенными губами и ресницами. Григорий Григорьевич, поморщившись, пересел на другой стул, чтобы не видеть эту компанию. Вернувшись в номер, принял душ и улегся спать. Спал плохо, ему все время казалось, что он едет в поезде на второй полке и вот-вот упадет. Под утро в полудреме услышал легкие шаги в коридоре, хлопнула дверь, и возникла знакомая музыка. Да-да, забытая всеми «Риорита» – в

одном месте иголлка проигрывателя попадала в царапину на пластинке, и музыкальная фраза повторялась несколько раз. Так было и на выпускном балу в женской школе № 36. С той поры прошло пятьдесят пять лет.

Григорию Григорьевичу понадобилась три дня, чтобы разобраться в делах. Как он и предполагал, кубанские виноделы крепко стояли на ногах – все было поделено, все схвачено: свои поставщики, свои рынки сбыта, не протиснешься. Кулагу знали, помнили его отца, но встретили с прохладцей. Оптовые компании «Абрау-Дюрсо», «Делапорт Трейдинг», «Агатис», «Тандер», «Кубань-вино» широко известны и в России и за рубежом. И чего это московский «француз» тут приехал винохивать? Или на малую родину потянуло?

Нужно было уезжать, а Кулага все кружил по городу. Узнавая и не узнавая его. Стояла вторая половина апреля. На кленах давно уже лопнули клейкие почки, выбросив зеленые парашютики, в садах отцветали плодовые деревья, Дубинка утонула в розовом дыму, вечерами трещали и посвистывали скворцы. Одним из вечеров Григория Григорьевича занесло в самый конец старой краснодарской улицы, что скатывалась вниз от центра к Затону. Кулага шел без всякой цели, механически фиксируя, что дома в этой части города не тронуло время, даже выбоины на асфальте и царапины на крашенном зеленом заборе остались прежними.

Небо рассекали красные полосы, казалось, остывающий металл стекает туда, где Кубань образует Затон. Кулага шагал, беспечно напевая: «Где эта улица, где этот дом»... Внезапно он остановился, словно налетел на невидимую преграду, – это была та самая улица, изменилось только ее название, а вот дом исчез, исчез целый квартал с приземистыми, белеными извостью хатами, высоченными заборами, за которыми укрывались сады. Теперь все это пространство заполняла серая безлика громада двенадцатиэтажного дома. Дом еще не был заселен, кое-где в окнах горел свет, во дворе громоздилась строительная техника, кран разобрали, его стрела лежала посреди изжеванного гусеницами и колесами двора, придавив старую яблоню. Живая ее ветвь была усыпана розовыми цветами. Григорию Григорьевичу показалось, что он узнал эту яблоню.

Этой ночью он спал тревожно, часто просыпался, где-то под утро снова услышал в коридоре легкие шаги, ему даже почудилось, что он слышит голос и голос этот ему знаком. Он встал, осторожно приоткрыл дверь и выглянул в тускло освещенный коридор. В подсвеченном люминесцентными лампами пространстве шла, медленно удаляясь, девушка в коричневом ученическом платье. Белый фартучек на узких плечах топорщился, напоминала крылья бабочки, тугая русая коса оттягивала маленькую головку.

– Люба! – позвал Григорий Григорьевич и не услышал своего голоса.

Конечно же, это был сон, обычный предутренний сон, но легкое это видение сдвинуло в его памяти уродливую новостройку, обнажая осевший в землю дом его юности, смутно белеющий в конце заброшенного сада.

...Той весной студент второго курса КИППа Гриша Кулага на выпускном балу в женской школе № 36 познакомился с Любей Божко – совсем девочкой, тоненькой, светлоглазой, с косой, отброшенной за спину, и неожиданно сильными руками. Они отстали от пьяненьких друзей и пошли вверх по улице Ворошилова, вышли к пустынному Затону – горели, перемигиваясь, фонари, луна серым пятном проступала в бледнеющем небе, а вода в затоне была черна, угрюма, и в ней отражались звезды. На песок пала роса, похолодало, Гриша набросил на плечи девушки пиджак и, склонившись, поцеловал ее в шершавые губы.

Люба тихо засмеялась, отстраняла его ладошкой:

ПРОЗА

КНИЖНЫЙ МИР

Надежда, меня не оставь!

(отрывок из статьи)

Жизнь в провинции в обычной рабочей семье отнюдь не возвышенно-элитный полужизнь. Интересы тут подчинены всенародному и в то же время каждого-семейному выживанию. Именно к провинции относится формула Николая Зиновьева: «В России жизнь была всегда нелёгким делом...» Когда жизнь — нелёгкое дело каждого — давит возвышенную, довольствующуюся не только хлебом насущным поэтическую сущность, то поэзия Сергея Зубарева, этого замечательного нестоличного поэта, становится ещё более ценной.

Гораздо тяжелее из глубины России предстать перед почтенной, не только литературной, публикой и — самое главное — просто перед всеми читателями!

Говоря о сути этой жизни, Сергей Зубарев пишет:

*Нету взлёта ни мысли,
ни духа,
Лишь усталость от отчей сохи.*

И вот, как росток, пробивший асфальт провинциальной жизни в литературу России, Сергей Зубарев предстал перед российским читателем. Он верил в это. Он надеялся на это, потому что не только преодолел, но и вбирал духовный свет...

*...И пенье каменки, и тёплый свет зари
Струёй целебною в твою польются душу...*

Простой читатель и ценитель поэзии порой сам не может выразить поэту свои восторги, восхищения и прочие тонкости. Он может в знак почтения предложить вкусить с ним в нехитром застолье. Может «набить морду» тому, кому не нравится любимый поэт. И действуют в девяносто девяти процентах только два аргумента и критерия: нравится или не нравится. Всё! Никто не будет «рассусоливать» о нюансах.

Более изысканная публика высказывается иначе. Как?

А вот Григорий Блехман сказал: «При всей горечи многих стихов Сергея Зубарева его вдохновение несёт в этот мир свет».

Потом добавил: «Для этого человека Поэзия — всегда с большой буквы, потому что — раз и навсегда: «Как перед светлым храмом на Руси, я пред тобою преклонил колени». И читая всё, что он написал, может ли кто-нибудь усомниться, что помимо дарования, щедро отпущенного ему природой, Поэзия для него — это способ жить. Как воздух. Оттого у него и нет легковесных строчек и даже слов...»

Александр Егоров, Анапа

Сергей Зубарев. Ночного бражника полёт: стихи. — Ростов н\Д: фирма «Ирбис», 2013. — 180 ст.

Сергей Зубарев

ОСЕНЬ

К нам пришла. Для одних золотая, для других... Не поверите вы, как её материт, подметая, Собиратель опавшей листвы.

А над ним насмехается ветер, Ворох листьев швыряет вослед. Но бедняга ему не ответит, Так озлился, что слов уже нет.

И не видя счастливых влюблённых, Всех, кто меди и золоту рад, Дворник лупит метлою по клёнам, Чтоб скорее прошёл листопад.

Мне знакомы метла и лопата, Мне мести и грести не впервой. Но вот так, чтоб об осени матом... Клён лупить, чтоб расстался с листвою...

Изумлённый, под старую липой Я стою. Душат слёзы и смех. — Дворник, дворник, пойдём лучше выпьем За грядущий с метелями снег.

Спящее лето

Осень. А в мокрой листве бересклета, В ягодном тисе и туге густой От холодов зимних спряталось лето, Зелени вечной вдыхает настой.

Хмурое небо, как серые будни. Что ещё ждать от него, кроме слёз? Льёт их и льёт... Но однажды разбудит Спящее лето осколками гроз.

В город ворвётся хмельной южный ветер, Морем пропахший, от солнца горяч. И на неделю мы вспомним о лете: — Здравствуй, прохожий, улыбку не прячь!

Вот оно, лето, и в парках, и в скверах, Солнечный зайчик играет в руках. День был вчера ещё пасмурно-серым, Нынче же свет золотой в облаках.

Дни пролетят, на ветру разорвётся Тёмная туча, и снова дожди... Спящее лето ещё к нам вернётся, Утром малиновым ты его жди.

Нотюрн

И бражника ночной полёт, И хмель цветущего дурмана, И месяца холодный лёд, Не тающий на дне стакана,

Купающийся в «шардоне», И эта ночь, и эти губы Готовы все уже вполне Ожить в стихотворенье грубом

И оживить его собой, Чтоб бабочкой впорхнуло в память, Чтоб чувствовать морской прибой Всю жизнь солёными губами.

Потом, от моря вдалеке, И сердце защежит так сладко, И полетит душа в пике, Когда крылом твоей руки Коснётся мотылёк украдкой.

Нету взлёта ни мысли, ни духа, Лишь усталость от отчей сохи. Отпахал, будет сытое брюхо, Да оно ведь к поэзии глухо, Так откуда ж возьмутся стихи?

Если в сладких объятиях дрёмы Ты забылся, тебе всё равно, Что идёт в полушаге от дома Муза с бубном охрипшего грома, Но в твоё не стучится окно.

Если нет ни слуха и ни голоса, Как тут запоёшь?.. А у Божьей лиры струны тоньше волоса, В твоих пальцах дрожь. Значит, всё же надо песню выстрадать, Прежде чем запеть. И сольются в песне музыка и исповедь, Серебро и медь.

Прости меня, мама, за то, Что мы видимся редко, За спешку при встречах. Вот снова куда-то лечу. За то, что окошка коснётся лишь яблони ветка,

А ты уж проснёшься, подумав — не я ли стучу.

За вечер дождливый и, значит, особенно грустный, Когда от меня ты никак не дождёшься звонка.

А дождь в огороде всё пляшет на грядках капустных. О том огороде моя позабыла рука. Куда тороплюсь я? К каким ещё

новым вершинам? Твоею любовью, молитвой твоею храним. «Родная, прости своего непутёвого сына», — Сегодня шепчу я, к рукам припадая твоим.

Детство

Кораблик из коры сосновой, С бумажным парусом на мачте, Пуститься в плаванье готовый... Лишь только день и час назначь ты.

И вот он, час благословенный. Ты капитан. — Отдать швартовы! Ручей весенний по колену. Что впереди? А там всё ново.

Журчит ручей светло, как флейта, Сосновый дух хмельнее браги. И ты не слышишь голос чей-то: — Весной ручьи бегут в овраги.

Тебе легко в тот день весенний Быть и бесстрашным, и отважным, Плыть в океан вниз по теченью В мечтах под парусом бумажным.

Где тот зеркальный тихий пруд?.. Лишь памяти раздвину шторы, Ряд ив плакучих тут как тут, И сад вишнёвый на пригорке.

И мы с Володькою сидим На берегу под старой ивой, Ах, как на поплавки глядим В томленье сладостно-счастливым.

Но поздно мы пришли сюда, И не заладилась рыбалка. — А знаешь, в полночь иногда В пруду купаются русалки.

Бросает удочку из рук И, сплюнув косточку от вишни, Володька, закадычный друг, Врёт про русалок еле слышно:

— В воде резвяся и смеясь, Беспечно радуются лету. Их груди смело, не таясь, Соперничают с лунным светом...

Но удочку схватив едва, Русалок забывает разом. Не леска — лука тетива! Вот и сазан. Силён, зараза!.. ...Спустили воду здесь давно. И не успели горько ахнуть, Как заросло травой дно, Вишнёвый сад в предсмертьях чахнет.

Встречается мне как-то друг: — Володька! Помнишь, пруд, русалки?.. — Вчера я видел бывших двух В обличье сгорбленных старух, Шли от пруда — от места свалки.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВСЕСЛАВИНЫ»

Владимир Гордиенко**Майору 14 ОБр СпН ГРУ Гш**

В горах затихло эхо взрывов,
Но на душе покоя нет.
Бойцы почти на грани срыва:
Все сроки вышли – смены...нет.

В любой момент засвищут пули
И «трассера» распишут ночь.
Пока ж спецназовцы заснули...
Вот только мне уснуть невмочь.

Сжимает сердце боль нещадно,
Комбриг сказал: – Сменю, терпи!
Я офицер, мне тридцать – ладно...
Но им-то нет и двадцати.
Прости, за них, Господь... прости!

Взлетная полоса

Порублена молодь на просеке,
Гудят на ветру провода.
Шагают столбы через просины,
Раскинув свои невода.

Порой в них луна попадает
И даже скопления звёзд,
Но чаще туман тихо мается
Да сядет задумчивый дрозд.

От моря до моря раскинуты
Стальные гудят невода.
И небо на них опрокинуто
Как-будто живая вода.

В глубинах ее чудо-рыбою
Проплыл-пролетел самолет.
Создатели просек, спасибо вам
За трепетный сердца полет!

Меня не манят...

Меня не манят города,
Язык их сух и непонятен,
А то, о чём поёт вода
приемлю...

И вполне приятен
Камней, катящихся по склону,
Между собою разговор.
Ещё по сердцу шум зелёный –
Листвы и ветра вечный спор,
Огонь, напевший столько песен,
Безлунной ночью у костра.

Язык природы прост и честен,
Иное – шум и мишура.

Все города поют фальшиво,
Гремят,
Не ведая ладов,
Всё от того, что ноты лживы!

Не понимаю
городов.

Облаков невесомую стайку,
Не успевших уйти за луной,
Одинокую белую чайку,
Пролетевшую чуть стороной,
Розовеющий край небосвода,
Полыхнувший листвою ветерок,
Красоту золотого восхода –
Я увидел... Разжёл костерок
И сжигал в нём ничтожные мысли
Вперемешку с листвою дерев,
Все стихи мои дымом повисли,
От величия жизни сгорев.

Сотворение осени

Желтком на мольберте – рассветное
солнце,

Белила местами разбавили синь...
Создатель, рисующий осень, смеётся:
«Поэт вдохновения нынче просил.
Ну, что же поможем: кармина немного,
Зеленого капельку (отдых глазам),
Сусальное золото всюду и много,
Достойный оклад – дорогим образам!
Берёзовым рощам пространства и света,
А грозди калины нечасто, и...алым.
Туманную дымку на заднике где-то,
И сжатую ниву, и...грустно так стало».
Заплакал Создатель от боли щемящей,
Картину слезами дождей освятив.
Теперь у людей есть шедевр настоящий
И есть у поэтов осенний мотив.

Игорь Васильев-Седой

Подражание А. Блоку

Будильник, завтрак, дом, работа –
Истоптанный до боли круг.
Где чувства входят в часть расчёта,
А на показ – лишь позолота,
Как щит от бесконечных व्यог.

Уставшее лицо вокзала.
И снова поезд в мой январь.
Там нет конца и нет начала...
Но будут вечно: «...рябь канала,
Аптека, улица, фонарь».

Если бы в жизни всё было...

Жизнь моя – одни убытки
И потери, жди – не жди.
Неудачные попытки.
В прошлом – крепкие напитки...
И прощальный скрип калитки,
Будто стон больной груди.

Лист последний тихо кружит
Над моею головой.
И транжиры – злые стужи,
Тратят всех, кто мил, кто нужен...
Тишина и мрак всё глубже,
Тяжелее надо мной.

Жёлтый лист, и тот без даты.
Ничего другого нет –
Нет ни дерева, ни хаты,
Всё ушло, ушло куда-то.
Может помнишь: был когда-то,
Был зелёным этот цвет.

Холода идут...

Холода идут, холода...
Небо хмурится снежной мглой.
На деревья и провода
Налипает иней седой.

Без печалей и без тревог
По брусчатке ломкого льда,
По дорогам и без дорог
Холода идут, холода.

Вот уж в окна стучится беда
И уносит тепло твоих рук,
Холода, пришли холода
Неприкаянностью разлук.

Дождик плачет...

Дождик плачет, плачет, плачет,
Делит мир на свет и мглу,
А печали в каплях прячет,
Вниз скользящих по стеклу.

Словно время, он смывает
Пыль, заботы, грусть и зной.
И назад не возвращает –
Забирает всё с собой.

На окне, меж влажных стёкол,
Расплылась на блюде соль.
...И уже почти не плохо,
И почти уже не боль.

И шумит уже потише
В одинокой пустоте
То ли дождь по старой крыше,
То ли чайник на плите.

Людмила Руденко**Март**

Зачем бежать? Узнать, что не звонили?
То турка запищала в тишине...
Нежнейший торт из крема и ванили
Уже готов расплыться по стене...
И свечи изгибаются от смеха,
Шампанское ударило... фальстарт...
По комнатам пустым гуляет эхо:
Март...Март...Март.

Светлая ночь

Как рыба плещется в реке!
И что ей за полночь не спится?
Мелькает тенью вдалеке
Какая-то ночная птица,

Камыш качнулся в стороне –
Он возмутился, не иначе:
О первозданной тишине
Сверчки безудержно судачат.

К ногам спустился Млечный Путь,
Впитав на миг пустые страсти.
«О чём ты плачешь? Всё забудь!..»
От счастья, светлый мой, от счастья!

О рыбке и рыбе

Ловила рыбка рыбака
Который день подряд,
Беги быстрее – жива пока,
Глупышке говорят.

Чуть утро пропоёт сверчок,
Парнишка тут как тут:
Приманка, удочка, крючок –
Улова оба ждут.

Что ждёт рыбак – вопросов нет,
Хитрит он не со зла...
Когда ж сошёл клином свет...
Я рыбку поняла.

Неповторимость

Вздыхал поэт: всё было, всё вторично,
Всё спето и рассказано до нас,
А соловей впадал от жизни личной
И собственного пения в экстаз.
Не понимал, что велико, что бrenно,
Умишком слишком маленьким своим...
Пел искренне, легко, самозабвенно
И абсолютно был неповторим!

Молитва

Осени мокрой в угодую
Август взмывает дымы.
Тянемся сквозь непогоду:
Мы это, Господи, мы!

Из толчеи одиноко,
Из безнадёжности тьмы,
Из ожиданий без срока
Мы к тебе, Господи, мы!

Приобретая опыт,
Стойкий смываем грим...
Господи, поздний шёпот
Слышишь? Благодарим...

Судьбой мне было обещано
два крыла,
Да только, глупая женщина,
я их не взяла.
Решила, зачем полеты –
земля верней:
Я буду на ней работать,
и жить на ней.

И вот, от тоски немея,
Подранком быюсь:
Ходить, как все, не умею,
Летать – боюсь.

Лариса Слинкина**Если я перестану**

Не разбудит меня беспокойный рассвет,
Не заглянет в окошко синица,
И не ляжет в ладонь мою яблони цвет,
Если ты перестанешь мне сниться.
Пусть мне небо простит все мои грехи,
Что случиться могло и что было,
Если я перестану писать стихи,
Значит я тебя разлюбила.

Звёздный город

Лунной ночью в звёздный город
Я ступаю осторожно,
Кто был стар, здесь снова молод,
Невозможное – возможно.
Я по шёлковому склону
В гости к юности бегу,
Блики солнца в речке тонут,
Дремлет облако в стогу.
Я весёлая, смешная,
Мне всего пятнадцать лет,
Каждый миг запоминая,
Обнимаю свой рассвет.
Босиком, в футболке белой,
На губах вишнёвый сок,
И летит по ветру смело
Звонкий юный голосок.
Мне навстречу рыжей гривой
Машет друг мой – конь Буян,
Вздурораженный, игривый,
Как весёлый ураган.
Всё зовёт меня на волю,
Где бескрайние луга,
Маков цвет в пшеничном поле
Да крутые берега.
Там туман седой клубится,
В речку смотрится закат,
Грустной нежности криница,
Мыслей светлых водопад.
Если будет одиноко
Или сдавит сердце грусть,
Тихой ночью, ясноокой,
В звёздный город я вернусь.

Счастье

Знаешь, мой милый Ветер,
Я несказанно богата:
Есть у меня рассветы
И золотые закаты,
Радуга над равниной,
Тёплые летние росы,
Терпкий, неповторимый
Мартовский запах мимозы,
Листьев полёт прощальный,
В небе тревожные стаи,
Льдинок узор хрустальный,
Что на ладони тает.
Ну а всего дороже
Глаз твоих жгучая просишь,
Что моё сердце тревожит
И к небесам уносит,
Губ твоих прикосновенье
К вене на тонком запястье...
Нежное это мгновенье
И называется счастье.